
Розділ II

СУЧАСНІ ФОРМИ ПРОТИДІЇ КРИМІНАЛЬНИМ ПРАКТИКАМ

АРПЕНТЬЕВА

Мариям Равильевна

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМАХ

Справедливость – это феномен, связанный с такими установками жизни человека, как «принцип бумеранга» и/или отмщения. Справедливость опирается на представления людей о том, что мир справедлив, и каждый заслуживает то, что получает. Однако, еще в XX веке психологи описали веру в справедливый мир как одну из базовых, но весьма далеких от истины иллюзий. Юристы, в свою очередь, опровергли значимость истины, введя понятие «доказанности», а также сформировав процесс уголовного расследования, обвинения, осуждения и отбывания наказания таким образом, чтобы внешне декларируемый принцип «презюмции невиновности» оставался такой же иллюзией, как и справедливость. Современная система правоохранительной деятельности лишена как первого (справедливости), так и второго (невиновности): попавший в поле зрения правоохранительных структур человек так или иначе окажется виноват: в некоторых случаях, он ответит за то что действительно причастен к правонарушению, в некоторых за то – что не причастен, но «попался – сиди», в некоторых все более распространенных – просто потому, что бюрократический монолит системы исполнения наказаний и правоохранительной деятельности государства в целом нуждается в новых ресурсах, рабочей силе, а также подтверждении власти – унижать и уничтожать – других людей, вершить их судьбы, строя свое и своей семьи «пусть маленькое, но счастье». Фальсификация

уголовных дел разной степени интенсивности стала повседневным орудием труда правоохранительных органов. Корни такой ситуации, однако, лежат не только и не столько в «особенностях постмодерна», его нигилизме – правовом и нравственном, его лоскутном сознании и деформированных отношениях человека с собой и миром. Корни уходят глубже – в отсутствие культуры насилия: чтобы понять их, рассмотрим историю пенитенциарных учреждений, тюрем [4].

Пенитенциарные учреждения России и всего мира в массе своей менее всего способствуют «исправлению» провинившихся: обычно тюрьма приносит прогрессирующую десоциализацию, распад личности и ее отношений с миром. Для многих, попавших в нее более или менее «надолго», тюрьма это «путь в один конец». Очень редко тюрьма становится местом взросления, психологического и духовного развития. Обычно это такая тюрьма, которая живет по законам Бога в большей мере, чем законам юридическим и, тем более, «законам тюрьмы» [3, с. 143–144]. Причин этому несколько: внутренних и внешних. Как известно, тюрьма как пенитенциарное заведение была создана во времена «торжества» средневековой церкви не просто как место наказания, но место наказания (в том числе насилия), направленного на исправление. Насилие и подавление обрело статус ведущего метода воспитания и перевоспитания. При этом церковь, как правило, не гнушалась и просто убийствами: экономя силы на «перевоспитании» ведьм, еретиков и прочих «вольнодумцев». Первоначально пенитенциарное и педагогическое измерения тюрьмы были тесно связаны, церковь пыталась создать культуру насилия в том числе «разумного» наказания. Тюрьма должна была воспитывать и перевоспитывать, применяя для этих целей «уместное» насилие, наряду с нравственной и иной поддержкой оступившегося. Однако, на практике, можно видеть, что педагогическое предназначение тюрем почти сразу было утеряно: «уместное» насилие (в том числе, защищающее духовно-нравственные аспекты жизни, а также – более или менее четко оговоренное) подменено «повсеместным», в результате современное уголовное законодательство в большинстве стран мира менее всего обращено к понятиям «нравственность» и «воспитание», в большей мере, к понятию «выгоды», «рабство». «Пенитенциарное насилие» приобрело форму буллинга как системы целенаправленных более или менее интенсивных, осознанных, масштабных и разных по уровню (физические, экономические, социальные и психологические меры) действий, связанных с нанесением вреда здоровью и целостности личности или группе. Буллинг направлен на унижение и/или уничтожение той или иной личности или группы в политических, экономических и личных целях. Однако, поскольку политические и экономические цели всегда – цели конкретных лиц, постольку

тюрьма с самого начала своего существования использовалась как для массового запугивания населения и профилактики «несогласия», так и для индивидуального преследования и расправы с «несогласными» и иными «оппонентами». Более того, со временем ряды структур, отвечающих за принятие решения о тюремном заключении (судей, прокуроров, адвокатов, охранников и палачей и т.д.), стали пополняться людьми, чье основной потребностью была сверхразвитая потребность власти, результатом стала автономизация судебной системы во многих странах мира, ее полное слияние с государственным аппаратом, а также введение института неприкосновенности для лиц, облеченных властью. При этом насилие в форме буллинга и пыток заключённых и их семей нормализовалось настолько, что практически все сферы современной пенитенциарной системы России, других стран, включая те, что связаны с медицинской помощью, с религиозной помощью и т.д., проникнуты нежеланием и неспособностью сотрудников и даже заключенных, задумываться о том, что происходящее в большинстве тюрем, СИЗО и т.д. не просто далеко от «нормального», но преступно.

Напротив, современные государства и представляющие его органы и субъекты организуют все новые и поддерживают старые тюрьмы как способ контроля и ужесточения репрессий, способ защиты собственной безопасности, не задумываясь о безопасности и судьбах тех, кто под эти репрессии попадает. Напротив, задумываются люди только о том, как причинить ближнему еще больше страданий. Как метко подчеркнул М. Фуко, все более широко внедряемые технологии тюрьмы-паноптикума, формально предназначенной для исправления преступивших закон, – всего лишь «итог недоброжелательства»: тюремная прозрачность как постоянный страх наказания весьма далека от человеческих отношений между людьми, традиционных нравственных императивов, заложенных церковью [1; 3; 6]. Ожидать же, что человек, третируемый за малейшую провинность, «исправится» – означает всего лишь симулировать воспитание, используя его средства совсем для иных целей. Обычно этой целью является вовлечение в преступления все более широких масс: тюремный бизнес выступает как ведущий компонент современного рабовладельческого бизнеса и по оборотам средств, и по числу вовлеченных в него людей, и по разработанным технологиям подавления в человеке человеческого.

Обычное пенитенциарное заведение живёт на стыке трех «законов»:

- «закон Божий», который говорит о любви, милости, прощении и восстановлении, а также о том, что тот кто «водится Богом», любовью, «тот не под законом», он почти всегда проигрывает «закону тюрьмы». Это «закон людей», переросших состояние животного автомата и поднявшихся от примитивного понимания и почитания «справедливости» к пониманию законов любви и прощения. Если человек не поднялся на уровень этого «закона», она

будет «водится» двумя другими законами, смыслом которых является месть и ненависть, «зуб за зуб» и, как хорошо продемонстрировали концлагеря, гетто и резервации, «профилактика преступности» в виде целенаправленного уничтожения (геноцида) окружающих. Однако «подняться» на уровень этого закона весьма непросто: даже и особенно судьбы Святых показывают, что окружающие не прощают святости и иных отличий, стремясь вернуть человека в себе подобное состояние или уничтожить. Именно поэтому отказ «играть» в игру «правоохрана» и «правозащита», обвинение правоохранительных и правозащитных структур в коррупции, фальсификации и т.д. карается особенно жестоко.

- «Закон уголовный», отраженный в УК и УПК стран мира, международных соглашениях, это закон, который хотя и фиксирует наличие некоторых прав у заключённых, однозначно не относит их к людям. Достаточно вдуматься в текст «самой гуманной» Европейской конвенции по правам человека и проанализировать работу Европейского суда по правам человека: не имея денег на дорогостоящего адвоката, обучение юриспруденции и не будучи воспитанным в культуре, где привыкли уважать человеческое достоинство, даже свободный человек никогда не сможет отстоять свои и так мизерные права. Заключение отстаивают свои права и могут доказать преступность творимого над ними не более чем в 0,05%; случаев. Уголовный закон – это также тот самый «закон что дышло, куда повернул, туда и вышло», о нем вспоминают в зале суда и при посещениях очередными комиссиями СИЗО и тюрем, забывая сразу после их окончания.
- «Закон тюрьмы» – закон, регулирующий взаимоотношения людей в ситуации обычного для тюрьмы, но необычного, «трансординарного» для повседневной жизни вне нее насилия. В отличие от размытых законов и принципов регуляции насилия в повседневных ситуациях (где «суд вершат» интересы частных лиц, в большей или меньшей степени обладающих правоохранительной властью и использующих уголовный закон, чтобы игнорировать «закон Божий», а также внедрять «закон тюрьмы»), тюремный закон весьма конкретен и содержит систему правил поведения, регулирующих жизнь и взаимоотношения заключенных. Он четко отделяет тюрьму как часть территории государства, в которой правят иные законы. Однако, отделение это мнимое: в последние годы начался активный пересмотр даже древних священных текстов, в которых дотошные «правдолюбцы» (то есть те, кто любят «справедливость») усматривают признаки самых разных преступлений, в том числе пропаганду национализма и экстремизма, промискуитета и инцеста, и т.д. таким образом, современные «закон тюрьмы» или «закон зоны» претендуют на экспансию и превращение всего мира в тюрьму. Это стремление очевидно поддерживается и политико-экономической элитой современных стран, и государствами, практикующими все более тотальное

вмешательство в жизнь граждан. «Закон тюрьмы» сложился в СНГ во времена СССР и долгое время охранял значительную часть заключенных от «ошибок» в отношениях с окружающими и собой: соотношение «сил» было установлено и устраивало почти всех. Однако, после развала СССР и реформ уголовно-исполнительного законодательства в России и иных странах бывшего СССР, существенно ужесточивших меры наказания, «закон тюрьмы» начал изменяться. В тюрьмы начало попадать все большее количество служащих, не прошедших жесткой системы отбора и видящих свою миссию в тюрьме лишь в личном обогащении, комфорте и власти над заключенными. Возросло количество преступников «не в законе» (не имеющих опыта тюрьмы и не знакомых с ее правилами), не нашедших возможности или не пожелавших искать пути продуктивной самореализации в обществе. Кроме того, резко возросло количество людей, против которых уголовные дела являются откровенной фальсификацией и которые не могут найти в своем поведении и отношении к жизни и людям ничего «такого», что оправдывало насилие над ними и их семьями. Результатом этих изменений стало превращение всплеск необычного, трансординарного насилия в устойчивую тенденцию: травли (буллинга) с обеих сторон. Параллельно активизировался рост «спирали умолчания» проблем тюрьмы в обществе, как минимум треть которого в странах СНГ через эти тюрьмы так или иначе прошла. В современных тюрьмах и вокруг тюрем процветают предательство и доносительство, страх и ненависть, желание мести и унижения [2; 5; 7; 8]. Система изживает себя, однако, перед тем как изжить, пытается «наверстать упущенное»: изуродовать жизнь людей в тюрьме и вне тюрьмы как можно больше.

Литература:

1. Арпентьева М. Р. Протравматический и посттравматический стресс: психологическая реабилитация жертв массового насилия / М. Р. Арпентьева // Știință, Educație, Cultură. Материалы Международной научно-практической конференции «Наука, Образование, Культура», посв. 25-лет. Комратского государственного университета. 4 февраля 2016 г., Комрат. – Moldova, Comrat: КГУ, 2016.
2. Мухина В. С. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни / В. С. Мухина // Развитие личности. Статьи. 2002–2009 гг. 187 с.
3. Николаев В. Из рода в род / В. Николаев. – М.: СофтИздат, 2010. – 208 с.
4. Флиер А. Я. Культурные основания насилия / А. Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – №1. – С. 19–25.
5. Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration / J. Braithwaite. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998.
6. Fuko M. L'oeil du pouvoir / M. Fuko // Bentham J. Le Panoptique. Paris: Bel-fond, 1977. – P. 9–31.
7. Gold L. Influencing Unconscious Influences. The Healing Dimension of Mediation / L. Gold // Mediation Quarterly. – 1993. – 11 (1). – P. 55–66.
8. Meeus V. Obedience in Modern Society: The Utrecht Studies / V. Meeus, Q. Raaijmakers // Journal of Social Issues. – Vol. 51. – No. 3. – 1995. – P. 155–175.